

К ВОПРОСУ О САМОУБИЙСТВАХ В РУССКИХ ТЮРЬМАХ (ПОСЛЕДНЯЯ ЧЕТВЕРТЬ XIX — НАЧАЛО XX В.)

ON THE ISSUE OF SUICIDES IN RUSSIAN PRISONS (LAST QUARTER OF THE 19TH — EARLY 20TH CENTURIES)

A. Kosikov

Summary. The article attempts to understand the reasons for the suicide of prisoners in prisons of the Russian Empire in the last quarter of the 19th and early 20th centuries, both political and social, as well as to compare points of view on this topic.

Keywords: Russian Empire, last quarter of the 19th — beginning of the 20th century, prison, suicides of prisoners.

Косиков Александр Николаевич

Соискатель, Московский государственный областной университет
alkosikov@yandex.ru

Аннотация. В статье предпринята попытка понять причины самоубийства заключенных тюрем Российской империи последней четверти XIX — начала XX в., как политические, так и социальные, а также сопоставить точки зрения на данную тематику.

Ключевые слова: Российская империя, последняя четверть XIX — начало XX в., тюрьма, самоубийства заключенных.

Вопрос о тюремных самоубийствах имеет большой интерес из-за взаимосвязи с вопросом о политических самоубийствах, на чрезвычайное распространение которых указал Д. Н. Жбанков [1], а также вследствие незнания тюремного быта, влияющего на духовную жизнь арестанта, особенно во время борьбы с радикальными проявлениями в российском обществе (как было после Первой русской революции 1905–1907), к условиям тюремного существования.

В. М. Бехтерев на II-м съезде психиатров (Киев, сентябрь 1915 года) подчеркивал, что в России «недоразвитие и подавление личности приводят к развитию астенической реакции, заканчивающейся весьма нередко самоуничтожением, самоубийством или болезненным состоянием в виде тяжелой формы неврастения и т.д.» [2].

Вопрос о самоубийствах в тюрьмах довольно часто поднимался в западной литературе. Ломброзо считал, что характеристическая черта преступников — частота самоубийств. Исследовательская российская литература, очень скудна может быть, этому способствовала специфическая изолированность русских тюрем от внешней жизни, существовавшая долгие годы.

В таблице 1 указано количество случаев самоубийств и покушений на самоубийства в местах заключения гражданского ведомства Европейской и Азиатской России, зарегистрированных в ежегодных отчетах (за 1882–1905 гг.) по главному тюремному управлению.

За приведенные более чем 20 лет идет перманентное нарастание количества самоубийств в тюрьмах; в следу-

ющие 1906–1907 годы, с введением в большом количестве в российские тюрьмы политических преступников, число тюремных самоубийц резко возрастает; к сожалению, данные очень неполны и не представляют количественных отношений.

И. С. Фалькнер в книге «Самоубийства в Одессе» утверждает, что в Одессе в конце XIX в. на 1000 самоубийц приходится 38 заключенных в полицейских участках и тюрьмах [3] (около 4%). Наоборот, Ф. Я. Тереховко в своем исследовании «К вопросу о самоубийстве в Санкт-Петербурге за двадцатилетий период (1881–1900)» отметил только 4 случая (на 1000 известных) самоубийств среди арестованных [4] (менее 0,5%). Но первый из исследователей брал данные исключительно по одной только Одессе, а второй — исключительно только по Петербургу. Несмотря на это, исследователи считали, что «вопрос о влиянии и ареста, и тюрьмы на эволюцию склонности у арестантов к самоубийству заслуживает отдельного внимания. Конечно, этим признает недостаточность регистрации подобных самоубийств.

Н. В. Пономарев в своей работе «Самоубийства в Западной Европе и в России, в связи с развитием помещательства» [5], писал: «Посмотрим, как действует тюремное заключение вообще, и одиночное в частности, на склонность к самоубийству заключенных. Во Франции среди заключенных приходится один самоубийца на 1000 чел., или 1000 на 1 млн., т.е. в 6 раз более пропорции самоубийц для всего государства; в Бельгии приходится 3200 на 1 млн., это в 40 раз больше пропорции самоубийств в Бельгии и т.д. В среднем общее тюремное заключение порождает вчетверо меньше самоубийств,

Таблица 1

Годы	Количество самоубийств
1882	6
1884	8
1885	5
1886	9
1887	7
1888	3
1889	11
1890	15
1891	8
1892	19
1893	10
1895	11
1896	9
1897	9
1898	10
1899	11
1900	10
1901	24
1902	20
1903	42
1904	42
1905	40

чем одиночное заключение. Таким образом появляется весомый аргумент против системы одиночного заключения; система эта, как известно, быстро приводит человека к галлюцинациям, умопомешательству и самоубийству.

Р. Гайкович в своей работе «Военные тюрьмы и дисциплинарные батальоны с санитарной точки зрения», в которых «поражающую картину представляют санитарная обстановка, пищевой режим и исправительная система (на первом плане — карцер, розга!)» [7]. В тюрьмах «глубоко подрывается физическое здоровье заключенных солдат и расшатывается их моральное равновесие. Цифра самоубийств среди заключенных (0,26%) находится в полной гармонии с нарисованной картиной санитарной обстановки военно-тюремных заведений. Превышает она количество самоубийств в армии (0,13%) за десятилетний период (1895–1905) на 100%!»

Тюремная жизнь быстро расстраивает физическое и психическое здоровье заключенная и, порой, доводить несчастных до самоубийства. Лишение свободы, отсутствие минимальных гигиенических удобств, воздуха, света, здорового питания, тяжелый режим (инспекция 1910 г. выявила санитарно-гигиенические нарушения в большинстве российских тюрем [8]), произвол, наказания, лишение привычек мирной жизни, беспокойство

о родных и близких, вынужденная совместная жизнь в одной камере с иными лицами, тюремные происшествия, голодовки, разного рода эпидемии, тюремные болезни, скука и т.д., и т.д. Можно бесконечно перечислять непорядки и нарушение закона в российских местах заключения. Все это было способно быстро вывести предрасположенного арестанта из равновесия и вывести к психическому заболеванию, а порой и к самоубийству. Но даже для вполне нормального человека, свободного от какого-либо наследственного или приобретенного депрессионного отягощения, если и остается еще под вопросом возможность заболеть психическим расстройством под влиянием одного только тюремного заключения, существует последний выход из своего печального положения — самоубийство.

Достаточно сложным остается вопрос о соотношении между самоубийством и душевной болезнью, вызвавшим многочисленные, часто страстные дебаты в российской и зарубежной литературе (работы Сикорского, Тереховко, Кони, Фалькнера, Дриля, и др.[9,10,11,12]). Морселли в своей работе указывает даже на способы дифференциальной посмертной диагностики самоубийства душевно-больного и душевно-здорового [13]. Большая часть самоубийств все же совершается душевно-здоровыми людьми (на долю душевнобольных падает, приблизительно, одна треть общего количества).

Конечно, было известное количество лиц, покушавшихся на свою жизнь, проявлявших признаки душевного расстройства, но думается, что в тюрьме скорее даже чем где-либо возможны покушения на самоубийства лиц душевно-здоровых. Не удивительно, если кончают жизнь самоубийством люди, приговоренные к смертной казни и т.п.

Факт самоубийства свидетельствует, что человека часто окружают такие ненормальные условия жизни, которые толкают его на поступки, находящиеся в противоречии с основными свойствами его природы, его жизни. В этом и заключается глубокий социальный интерес явления самоубийства. Самоубийства людей душевно-нормальных падают почти всегда на долю субъектов с большим умом и сильным характером. Сопоставляя жизненные интересы с предстоящими неприятностями и неудобствами дальнейшего существования, они предпочитают самоубийство телесное самоубийству нравственному, или духовному.

Согласно исследованиям, порой человек с чуткой совестью, одаренный хорошо природой со дня рождения, по прихоти людей становится в ложные условия, попадает в самую грубую обстановку, переносит массу нравственных страданий, и затем, когда чаша мучений переполнена, лишает себя жизни.

А. Ф. Кони отмечал, что жизнь часто создает для человека такую обстановку, которая при известном нравственном и душевном развитии того или иного лица, самоубийство выступает своего рода логическим выходом из сложнейшей жизненной ситуации.

Это же многократно повторяется в работах упомянутого выше И. А. Сикорского:

«Тяжелые нравственные условия своей силой или продолжительностью могут довести человека до той степени утомления, когда самый инстинкт самосохранения утомлен. Нравственные или физические условия жизни могут сделаться для человека столь невыносимыми, что именно самосохранение побуждает положить конец действию этих условий. Существуют такие случаи, когда нравственные причины могущественным образом побуждают человека отнять у себя жизнь, чтобы избавиться от состояния, которое человеку представляет более тяжелым и невыносимым, чем смерть» и т.д. [14]

Главной побуждающей причиной тюремных самоубийств, возможно, выступает сильнейшая психическая репрессия.

Нет необходимости останавливаться на условиях тюремного заключения, расстраивающих физическое

и психическое здоровье заключенных, доводящих людей до голодовок, протестов разного рода побегов, самоубийства и т.п.

Как отмечают исследователи, любой преступник — в известной степени — потенциальный самоубийца, т.к., лишение свободы очень сильно сокращает жизнь, особенно в условиях русских тюрем, само помещение в которую уже есть убийство [15].

Присматриваясь к тяжелым условиям тюремного существования, исследователи невольно начинали переносить всю вину за преступление самоубийством с погибшего человека, с конкретной личности на окружающую среду; подводя рассуждение к выводу о том, что самоубийство «при данных обстоятельствах» (содержания в тюрьме) является простейшим рефлекторным актом утомленного организма.

Необходимо указать на два мероприятия, далеко не исчерпывающих должествующих к принятию мер борьбы с количеством самоубийством. Это, во-первых, возможное улучшение гигиенического благоустройства мест заключения, хотя бы с привлечением к этому делу общественных санитарных врачей; во-вторых, учреждение особого института тюремных психиатров для изучения душевного здоровья заключенных, среди которых находится значительное количество душевно и нервнoбольных; неуравновешенных и дегенеративных лиц и для возможно ранней изоляции патологического элемента. В Бельгии уже в конце XIX в. существовал институт врачей психиатров при тюрьмах.

Надо сказать, что это, конечно, как и многое другое, может является только «разовым» мероприятием. Естественное и рациональное средство — это возможное уменьшение числа заключенных, содержащихся в тюрьмах. Но в тюрьмах России изучаемого нами периода на лицо совсем иное, противоположное явление. С 1875 по 1906 г. ежегодно через 793 места заключения арестантов Министерства юстиции проходило около 700000 человек при 80–110 тысячах среднесуточного количества арестантов (максимально 112354 в 1892 г.). После Первой русской революции 1905–1907 тюремное ведомство требует новых больших расходов. В заседании финансовой комиссии Государственного совета 4 апреля 1908 г. представитель тюремного ведомства сообщил, что количество содержащихся под стражей растет очень быстро, что в то время, когда это число в 1905 г. составляло 85000, в 1906 г. 111000, в 1907 г. 125000, к 1-му февраля 1908 года уже достигло 165588, а в 1910 г. увеличилось на две тысячи.

«Нам скоро некуда будет помещать лиц, несущих наказание», — говорил министр юстиции на заседании Го-

сударственной думы 1 марта 1908 г., но не в этом должно было общество видеть наибольшую опасность [16].

Власть видело единственный путь решения этой проблемы — увеличение количества тюрем (сказался страх,

порожденный русской революцией 1905–1907 гг., когда также резко возросло количество арестантов). Напрочь отвергались идеи, выдвигаемые общественностью. В результате рост численности заключенных повлек за собой и увеличение самоубийств.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александров. Арестантская республика // Русская мысль. 1904. Кн. IX. 68–84 с.
2. Башуров А. Н. По тюрьмам и ссылкам. Воспоминания подпольщика. Свердловск: Уралогиз, 1933. — 184 с.
3. Васильев Е. А. Тюремные записки. М.-Л.: Государственное издательство, 1928. — 84 с.
4. Винский Г. С. Мое время. Записки. СПб.: Огни, 1914. — 159 с.
5. Виташевский А. Централка. Из воспоминаний // Былое. 1906. № 7. С. 107–135.
6. Вишнякова П. И. Тюремные годы // Старый большевик. 1933. № 1. С. 159–178.
7. Воробьев В. По тюрьмам и в ссылке // Каторга и ссылка. 1927. № 2. С. 168–182.
8. Вороницын И. П. Из мрака каторги. 1905–1917. Харьков: Державне видавництво України, 1922. — 132 с.
9. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 123. — Общество попечительное о тюрьмах Министерства юстиции. Оп. 1. Д. 1, Д. 14, Д. 15.
10. Деркач Н. Я. По этапам и тюрьмам. М.-Л.: Молодая гвардия, 1930. — 312 с.
11. Дорошевич В. М. Как я попал на Сахалин. М.: Товарищество И. Д. Сытина, 1905. — 116 с.
12. Записки Е. П. Клевакина о тюрьме (по материалам личного фонда) (1884–1885, 1901–1917). Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России; Краевое государственное казенное учреждение «ГААК», 2012. — 342 с.
13. Иванников В. А. Исторический опыт реформирования тюремной системы Российской империи (1870–1917 гг.): дисс. . . канд. ист. наук. М., 2006. — 213 с.
14. Кошко А. Ф. Очерки уголовного мира царской России. Воспоминания бывшего начальника Московской сыскальной полиции и заведующего всем уголовным розыском Империи. М., 1992. — 608 с.
15. Осипов М. В. Тюремная реформа 1879 г. и ее реализация в Оренбургской губернии: автореф. дисс. . . канд. ист. наук. — Оренбург: ОГПУ, 2010. — 30 с.
16. Сборник циркуляров и распоряжений, изданных по Главному тюремному управлению (1879–1910). СПб., 1911. — 378 с.
17. Скобенников А. И. Во Владимирской каторжной тюрьме. Владимир: Издание Губкома МОПР, 1926. — 95 с.
18. Соболев А. М. Записки каторжника. Воспоминания о царской каторге. М.-Л.: Круг, 1925. — 111 с.
19. Сушкин Г. Г. По этапам. Из воспоминаний политического ссыльного. М.: Изд-во Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1929. — 134 с.
20. Чебыкина Е. С. Помощь тюрьме и ссылке // Борьба за власть. Годы реакции. Пермь, 1924. Ч. 1. С. 101–108.
21. Якубович П. Ф. В мире отверженных. Записки бывшего каторжника. СПб.: Изд-во редакции журнала «Русское богатство», 1907. — 544 с.

© Косиков Александр Николаевич (alkosikov@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»